УДК 93/94 + 398.2
EDN QUAUUO
DOI 10.24412/2073-7475-2026-4-70-79

Татары в русском устном народном творчестве

Р. Ф. Набиев,

*Казанский юридический институт МВД России,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Tatars in Russian oral folklore

R. F. Nabiev,

*Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Kazan, Republic of Tatarstan,
Russian Federation*

Аннотация

В статье автор исследует значительный пласт сведений о восточных народах в содержании русских песен, былин, сказаний. В качестве источников исследования автором использовались наиболее ранние издания исторических песен и сказаний, которые сохранили сведения прошлого. Дореволюционные российские исследователи выявляли заимствование сюжетов и образов из более древних, всемирно известных восточных произведений, таких как «Махабхарате» и «Шахнаме», «Витязь в тигровой шкуре» или «Джангар». На основе подобных обобщений автор предпринял поиск упоминаний о древних народах в текстах древнерусских былин и преданий. Работа выполнена на стыке ряда наук: истории, сравнительного языкознания и этнографии. Методика исследования включает как общенаучные, так и частно-научные методы исследования, среди которых можно отметить диалектический, конкретно-исторический, метод сравнительного сопоставления, применяемые в рамках ретроспективного рассмотрения материала. В ходе сбора, группировки и исследования легенд и сказов выявляется преемственность ряда сюжетов из более древних произведений предшествующих культур. Ряд архетипов находит своих непосредственных предшественников в древнеиндийских, иранских, тюркских эпических и религиозных произведениях. Объектом, недостаточно исследованным в русской литературе, являются этнонимы древних народов и племен, в том числе и упоминания о тюрках. Наиболее архаичные отрывки легенд с упоминанием тюрков сохранили русские летописи, в частности, Ипатьевская и Никаноровская. Иногда в сказаниях прослеживается процесс выхолащивания сюжета более древних преданий или полной утраты изначальных сведений. Обращает на себя внимание замена с течением времени одних этнонимов другими, а также закономерное искажение непривычных для данного времени имен и названий. В качестве основного вывода по заявленной теме можно отметить,

что народная память сохранила достаточно обширный корпус лексем, обозначавший тюрков, булгар и татар и элементы их культур. Результаты исследования могут быть использованы историками, литературоведами, этнографами для дальнейших разработок и преподавания.

Abstract

The author explores a significant body of information about Eastern peoples contained in Russian songs, epics, and legends. The research is based on the earliest editions of historical songs and legends, as they preserved information from past centuries. Pre-revolutionary Russian scholars identified borrowings of plots and images from older, world-famous Eastern works such as the Mahabharata and the Shahnameh, The Knight in the Panther's Skin, and Jangar. Based on these generalizations, the author undertook a search for references to ancient peoples in the texts of Old Russian epics and legends. The work is situated at the intersection of several disciplines: history, comparative linguistics, and ethnography. The research methodology incorporates both general and specific scientific methods, including dialectical, historical, and comparative analysis, applied within the framework of a retrospective examination of the material. The collection, grouping, and study of legends and tales reveals continuity with several narratives from more ancient cultures. A number of archetypes find their immediate predecessors in ancient Indian, Iranian, and Turkic epic and religious works. An understudied subject in Russian literary studies is the ethnonyms of ancient peoples and tribes, including references to the Turks. The most archaic fragments of legends mentioning the Turks have been preserved in Russian chronicles, particularly the Hypatian and Nikanor Chronicles. Sometimes, the tales reveal a process of simplification of the plots of more ancient legends or the complete loss of ancient information. Noteworthy is the replacement of some ethnonyms with others over time, as well as the consistent distortion of names and titles unusual for the time. The main conclusion on this topic is that folk memory has preserved an extensive corpus of lexemes denoting the Turks, Bulgars, and Tatars and elements of their cultures. The results of the study can be used by historians, literary scholars, and ethnographers for further research and teaching.

Ключевые слова

Сказы, былины, русский эпос, тюркизмы, исторический источник, татары, устное народное творчество.

Keywords

Tales, bylinas, Russian epic, Turkisms, historical source, Tatars, oral folklore.

Русские былины и сказки, несомненно, являются весомой частью мирового эпического наследия. При этом следует отметить, что наряду с литературно-эпическими достоинствами, их своеобразием и культурной значимостью, былины несут довольно существенный объем исторической и этнографической информации.

Отмечая наличие оригинальных черт народного быта и мировоззрения, нашедших отражение в эпосе, а также фактов и лиц, значимых для истории культуры Древней Руси, в данной статье автор сосредоточил внимание на сведениях о тюрках и татарах в русском народном устном творчестве.

Эти сведения далеко не случайны. Они являются частью длительного и многостороннего влияния предшествующих империй на формирование великорусской культуры[1].

Народный эпос сохранил указания, отсылки на восточные произведения, а исследователи зафиксировали заимствования восточных мотивов и образов[2].

Выраженную преемственность многих мотивов русского эпоса по отношению к эпосам восточных народов отмечали А. Ф. Рихтер, В. В. Стасов, А. А. Потебня, Н. С. Трубецкой, В. Ф. Миллер, Г. Н. Потанин, С. С. Аверкиев, К. П. Кусмауль, П. М. Мелиоранский, Ф. Е. Корши др.

По мнению Имре Пачаи «виднейшие русские ученые Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, В. Ф. Миллер... в основном приняли выводы о восточных корнях русского фольклора»[3].

Если русский культурный мир в XVI в. еще был неотделим от татарского культурного сообщества, то в XIX в. европеизированная российская элита уже противопоставляла себя «азиатчине». В связи с чем весьма неожиданными для европеизированной русской науки стали выводы о восточном происхождении многих сюжетов и образов.

Некоторые из них, подобные А. Ф. Рихтеру, отмечали, что (русские. – *Р. Н.*) «Повести и сказки» … наполненные… татарскими и монгольскими именами, и доныне они любимое занятие простого народа»[4].

Еще более радикально высказался В. В. Стасов, заявив, что «…большинство сказок наших не имеют в своей основе ничего русского… И те (сказания. – *Р. Н.*), которые у нас общие с западными народами, и те, которые обращаются исключительно в нашем народе – все происходят с Востока… исключений очень немного»[5]. Например, анализируя многочисленные параллели сказа о Еруслане Лазаревече» с «Шахнаме», он выявил совпадения имен вплоть до имени коня»[6].

Существовало мнение, что в некоторых случаях первичными негативными образами в сказаниях могли быть природные враждебные силы или животные. С течением времени образ безусловного зла стал представлять татарин: «И в эпоху позднейшую в образе змея представляли врага, и именно татарина»[7].

Примерно также обстояло дело и с именами персонажей: сравнивая разные редакции былин, В. В. Стасов обратил внимание на то, что вместо Калина-царя в одном варианте, в другом указан Батый[8]. В другом сказе со схожим сюжетом упоминается «Турецъ-Салтанъ, или Салтанъ Бекетовичъ, или индейский царь»[9].

Наше внимание привлекли сведения о булгарах и тюрках в великорусских (не считая украинских и белорусских) богатырских былинах, песнях и сказках. Оказалось, что их достаточно много.

Действительно, таковых выявляется немало, (Булат богатырь, Ермак, Кудеяр, козак Мамай, Рогдай, Руслан, Ратмир, Садко, Салтан, Сирко, Сухман Одихмантьевич и др.), однако, простое перечисление не дает достаточно полного представления о характере и степени взаимодействия культур на территории Восточной Европы.

При рассмотрении легенд и сказаний автор предлагает применить ретроспективный подход, предполагающий в данном случае переход от более поздних к наиболее ранним произведениям.

Одним из наиболее поздних упоминаний о татарах и Казани, наверное, следует считать исторические песни о казачьем (тюркизм) атамане (тюркизм) Ермаке (тюркизм)Тимофеевиче. Легенда предполагает его принадлежность к русскому народу и культуре, однако, примечательно, что его принимают в ханском казанском кремле как своего и даже доверяют оборону одного из участков

крепостной стены: «Ермак сын Тимофеевич, помоги отстоять Казаньгород!»[10]. Предательство Ермака и порча орудий подается как удаль.

Еще больше тюркизмов и указаний на «татар» было указано в песнях о походах Ермака в Сибирь. Обращает на себя внимание факт тюркских имен ранних казачьих атаманов.

Видимо, тюркское имя было дано Ермаку не случайно, не случайно его приняли зауральские народы, не случайно царь дал ему войско, вооруженное лучшим оружием, не случайно он захоронен после гибели на мусульманском кладбище[11].

Версия о его знатном происхождении косвенно подтверждается летописной информацией о чингисидском происхождении казачьих атаманов[12].

Память народа сохранила яркие впечатления русского воинства от казанского взятия. «Казанский летописец» указывал, что из-за больших потерь среди воинов, казанцы стали одевать в броню крепких девушек и выставлять их на стены. Русские исторические песни запомнили этот факт.

«Татарки-казанки на стене они стояли, на стене… ». «Еще вот те, государь-царь, Казань-город взять!»[13]. Иной вариант того же сюжета: «…молоденька татарочка по стеночке похаживала,.. и над Белым царем надсмехалася». «Не видать тебе, грозный царь, золотых маковей… »[14], «… да не взять тебе Казань, что ни во сто лет, ни в двести, ни в тысячу лет!»[15].

Подтверждают исторические песни и наличие каменных стен казанского кремля, «золотых маковок» и наличие артиллерии: «Как и наш-ат государь под Казань он подступал, под тое ли крепку стену белокаменную»[16]; на стенах стояли «пушечки долгомерные»[17].

В некоторых песнях описывались и другие города Казанского ханства: Астрахань, Царицын, Саратов славный город, Вольской и Хвалынской (городки), Сызрань, Самара[18].

Запомнилось в народе и то, что подкоп под стены был не один, их было несколько[19].

Весьма тягостное впечатление производит песня «Казань-город», в которой описывается состояние края после войн. На «горах казанских»: «Не головы лежат сахарные – лежат головы человечия... на полях, полях хлебородныих там не хлебушки растут пшаничные – а растет у вас одна мертвечина; во лесах, лесах у вас темныих... воют волкушки все серыи, да живут-ходят там разбойнички...»[20].

В истории российской государственности и державности не утихают споры о рубеже и истоках имперского (царского) статуса Московского царства. Русский народ сохранил эмоциональную память о значимости низвержения Казанского ханства («царства»). Народная память уверенно зафиксировала, что царский титул «Иван Грозный» принял после взятия Казани, и в знак преемственности более высокого царского статуса казанского хана-Чингисида он: «…царя Симеона… взял с него царскую корону, и снял царскую перфиду, Он царской костыль в руки принял[21], и в то время князь воцарился и насел в Московское царство»[22].

Примечательна социальная стратификация воинского сообщества. Так, интересно смысловое отделение «панов-уланов» от «злых татар», но приравнены мурзы и уланы «мурзы вы улановья!»[23]. Отмечаются названия народов,

чью этническую принадлежность в настоящее время можно только предполагать. Так, например, эпос о богатырях содержит дополнительные сведения о некоторых народах Восточной Европы. Так, он «Вырубил чудь белоглазую, покрошил сорочину долгополую, А и тех черкес пятигорских, калмыков с татарами, чукши все и алюторы»[24]. По всей видимости, под олюторами старины запомнили олатырев (алатырские татары) и, возможно, марийцев или чувашей[25].

Неоднократны упоминания о татарских кораблях черных и червленых. В песнях о Ермаке упоминаются корабли «тезицкие и мужицкие».

В песнях о Ермаке описывается ряд других особенностей (насколько это возможно для этого жанра народного творчества) мира сибирских татар. Указывается, например, ныне утраченная гидронимия[26], а также одна интересная деталь, объясняющая лояльность сибирских «котовских татар»: «…а на место Кучума-царя утвердил Сабанака-татарина и дал ему полномочие…»[27].

К более позднему времени (XVII в.) относят казачьи исторические песни о войнах с крымскими татарами и турками. На наш взгляд, одна из них примечательна упоминанием казаков-татар, которые (для отличия от обрусевших собратьев) указываются в тексте кайсаками»[28].

В целом, типичное отношение к татарам в поздних русских песнях и поздних сказах хорошо выражено в песне «Взятие Азова»: «Во белы руки берите сабли вострые, вы рубите со татар буйны головы!»[29], «злых поганых татаровей»[30].

Отрицательное отношение к татарам встречается и в некоторых былинах, где их побеждают богатыри князя Владимира Киевского, например, Илья Муромец или Сухман-богатырь[31]. Подобное соседство былинных героев и киевского князя Владимира с татарами давно было признано позднейшей интерполяцией. Подобные вставки и коррективы нередки и являются следствием церковной и государственной политики.

Однако встречается относительно нейтральное отношение к былой татарской власти повествования. Так в песнях о Щелкане Дюденевиче не оспаривается его права на сбор налогов, управление и суд в Твери, данные ему ханом Узбеком[32].

«Царь Азвяк Таврулович… шурьев дарил городами стольными: Василья на Плесу, Гордея к Вологде, Ахрамея к Костроме»[33].

Народная поэзия сохранила память о дани, которую платила Литва, хотя этот факт отрицают современные польско-литовские патриоты[34].

Расправа тверян над Щелканом объясняется не заведомой неприязнью или сопротивлением «Золотой Орде», а циничным нарушением общечеловеческой морали (жестокий сыноубийца) и превышением полномочий и злоупотреблением властью. «И вдовы-то бесчестити, красны девицы позорити, надо всеми надругатися…»[35]. Учитывая допущенные им преступлениями, согласно сказу, Тверь не была наказана, как это должно было быть.

Примечательно, что народная память, пусть несколько искаженно, но сохранила имена реальных героев и древние слова, значения которых в наше время утрачены. Так, Щелкан это Чол-хан – почетное звание в буквальном смысле «почетный, почитаемый хан». В тексте также указывается, что в своем высокомерии он «зачванился», то есть назывался чжуваном – наследным Чингисидом[36].

В сказе «Анкундин Путятич» («Акундин Путятич») упоминается не только «Золотая», но и «Большая Орда», которая выделилась во второй половине

XV в. Это сказание может предоставить дополнительную информацию, если учитывать распад единой империи («Золотой Орды») на несколько государств, каждое из которых обладало своей юрисдикцией. Указание на то, что злодей «татарченок» уплывал от Мурома «…в золоту орду»[37]. Настигнутые богатырем татары, в частности, оправдывали свои действия именно таможенными сборами: «дань на все лодочки идет в Большу орду…»[38]. Анкундин на это отвечает, что Ока-река его вотчина и здесь он собирает налоги. После разгрома татарских кораблей он устанавливает на Оке свои заставы[39].

Вместе с тем существует значительный слой информации, где тюркские герои оцениваются положительно. Как правило, они подаются в эпосе в качестве русских героев. Это такие персонажи, как Садко (Садык), Сухман, атаманы Ермак, Сирко, Разин, казак Мамай, разбойник Кудеяр и др.

Суровым и справедливым выглядит Бахмет царь турецкий из песни «Авдотья Рязаночка». Уважая подвиг женщины прошедшей с риском пешком огромное расстояние, он разрешает ей забрать назад весь полон[40].

Еще более драматичнее складываются обстоятельства в балладе «Мать встречает дочь в татарском плену», в которой описывается, как плененная ранее русская дочь, полностью приняв образ жизни татар, не узнает поначалу мать, а затем воздает ей почести в своем новом доме в городе «Аул». Еще более масштабно этот же мотив выражен в старине «Марута Богуслаевна», а образ татарского батыра заменен на турецкого султана[41].

Наверное, последним, и наиболее почитаемым в народе тюркским героем, трансформированным в русского Робин Гуда, был Кудеяр, народные легенды о котором были распространены «от Воронежа до Соловков». По словам исследователя эпоса Е. А. Дороховой, «…в каждой местности был свой Кудеяр. Поэтому легенды в зависимости от региона разнятся». В источниках зафиксированы вероятные прототипы с подобным именем. Легенды представляли его то баскаком, то приближенным Ивана IV[42].

Народные предания о (русском) разбойнике Кудеяре переросли в художественные произведения уже в XIX в.[43] В Курской, Орловской, Воронежской губерниях и Поволжье он был более почитаем, чем вышеупомянутые казачьи атаманы. «Сказания и песни восхваляют Кудеяра»[44].

Существуют и исключения в оценке тюркских героев. Есть произведения, где они прославляются. Как правило, это связано с их христианским вероисповеданием. Особенно, если ими был совершен подвиг и страдания за веру. Наиболее известной в православной литературе является Повесть о царевиче Петре. По мнению М. О. Скрипиля, легенда окончательно сложилась в XV в.[45] Р. П. Дмитриева отмечает, что симпатии автора легенды на протяжении всего повествования явно на стороне основателя монастыря чингисида Петра. «К ростовским князьям автор “Повести” относится с пренебрежением…». Зато «Повесть» с уважением относится и к потомку чингисида Петра Игнату, который не испугался наступающего войска, вышел «пред Ахмыломъ и сказася ему древняго брата царева племя…», после чего заявил Ахмылу: «А се есть село царево и твое, господи, купля прадеда нашего…». Этим внук Петра спас монастырь и поселение. Благосклонно описан и чингисид Ахмыл, который подтвердил права монастыря, и сам внес огромный вклад в казну монастыря[46].

Интересны «татарские мотивы» из былин об Илье Муромце, речь идет не только об архетипах и мотивах из «Шахнаме» и других древних произведений (битва с сыном и др.). Во всех вариантах герой происходил из села с тюркским названием Карачарово, а отец, благословляя его на подвиги, заповедал: «… не помысли зла на татарина … ». По всей видимости, в образе Ильи Муромца народная память объединила предания о нескольких героях, в т. ч. и об Илейке Муромце сподвижнике Ивана Болотникова (XVII в.). Немаловажным представляется, что лежащий в Киево-печорской лавре Илья Муромец сохранил у киевлян тюркское прозвище Чаботка/Чобиток (тат., перс. чобот/чабатай)[47]. И к его имени явно привязана легенда о том, как он разогнал врагов сапогом. Но нам видится более убедительной иная этимология, восходящая к караимскому таботай – ‘священная могила’ (предка).

Расширение России на Восток не проходило безболезненно для простого народа. В различных документах описывается убыль населения в результате войн с Казанью. Потери среди простолюдинов в ходе войн были существенными. Об этом косвенно свидетельствуют не только данные официальных источников, но также поговорки, заклинания и заговоры, которые были призваны защитить русских воинов, уходящих на войну. Ниже представлены заговоры наратного человека, идущего на войну: «В высоком терему понизовском, за рекою Волгою стоит краса-девица … ратным делом красуется и держит в правой руке пули свинцовы, в левой – пули медные, а каменные в ногах. Ты красна девица отними ружья турецкие, татарские, немецкие, черкесские, мордовские … заколоти ты своею невидимою рукою ружия вражия … »[48]. «В той сбруи не убьют меня ни пищали, ни стрелы, ни бойцы, ни борцы, ни казанская, ни татарская рать … »[49]. «Ты стена кремлевская! … бей врагов супостатов дюжих татар, злых татарченков, а был бы я из нее цел, невредим … а в стану ратном есть могучи богатыри княжей породы из дальних стран со ратной русской земли. Вы богатыри могучи перебейте татар, полоните всю татарскую землю … Иду я во кровавую рать татарскую бью врагов и супостатов, а был бы я цел и невредим … вы пищали меня не десятерите … »[50].

О былом упорном противостоянии свидетельствуют сохранившиеся поговорки. До недавнего времени бытовали поговорки, основанные на народной памяти о татарских набегах: «незваный гость хуже татарина», «бей набат татарин едет!», «погоди татарин, сабельку вытащу … » и др.

В народе находилось в обращении множество бытовых сравнительных поговорок, с оборотом «как татарин … ». Например, «Что ты, как татарин, на леву сторону (кафтан, халат и др.) надел?!», «наволосо, как татарин, обрит» и др.

Таким образом, в рамках представленной статьи исследован определенный пласт сведений о татарах в русском эпосе: песнях, былинах, сказаниях из состава летописей, церковных сводов и сборников народных сказаний, а также некоторые поговорки и пословицы. В ходе исследования нами отдавалось предпочтение наиболее ранним изданиям исторических песен и сказаний, которые в большей степени сохранили сведения об обстановке прошлых веков.

В числе основных выводов можно отметить следующее:

– русские народные предания содержат значительный объем сведений о татарах и тюрках;

– в былинах и сказах нередко прослеживается преемственность ряда сюжетов и образов из эпоса более древних культур;

– при сравнении разновременных версий произведения, прослеживается процесс утраты древних сведений и замена с течением времени одних этнонимов другими, присущими новому времени.

В рамках данной статьи рассмотрены далеко не все выявленные примеры упоминаний о татарах в русском устном народном творчестве. Предлагаемая читателю статья является лишь началом большой и интересной работы, которую предстоит завершить нашим последователям.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Аверкиев С. С.* Влияние татар на жизнь русского народа / Сост. И. В. Зайцев. – Казань: Яз., 2015. – 292 с.
2. *Кусмауль К. П.* Русский эпос и культурное наследие востока, или кому наследовала русская эпическая традиция. URL: https://most.report/russkiy-yepos-i-kulturnoe-nasledie-vo/ (дата обращения: 30.04.2025).
3. *Имре Пачаи.* Восточные мотивы русских волшебных сказок // Этнодиалоги. – 2021. – № 1. – С. 224.
4. *Рихтер А. Ф.* Нечто о влиянии монголов и татар на Россию. – СПб., 1822. – С. 269.
5. *Стасов В. В.* Происхождение русских былин // Вестник Европы. – 1868. – С. 220-221.
6. *Там же.* – С. 175-195.
7. *Буслаев Ф. И.* Русский быт и духовная культура / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов; предисл. В. О. Гусаковой. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – С. 238.
8. *Стасов В. В.* Указ. соч. – С. 668-669.
9. Там же. – С. 697.
10. Взятие Ермаком Казани // Русская историческая песня. URL: https://rus.ruolden.ru/654/vzyatie-ermakom-kazani/ (дата обращения: 12.12.2025).
11. По крайней мере, одна из двух его могил находится у татарской деревни Баишевская при впадении р. Вагай в Иртыш.
12. «...а то три браты татарские князи, отичи и дедичи Подольской земли. А от нехзаведили атаманы. А баскаки, приезжаючи от тех атаманов имывали с Подольской земли дань» (см.: ПСРЛ. Т. 35. Супрасльская летопись. Летописи белорусско-литовские. – М., 1980. – С. 66).
13. Русская историческая песня. – Л.: Советский писатель, 1987. – С. 56; Как Иван Грозный Казань брал. URL: https://publicadomain.ru/russkie-narodnye-istoricheskie-pesni/ob-ivane-vasilieviche-groznom/kak-ivan-grozny-kazan-bral (дата обращения: 20.02.2026).
14. *Миллер В. Ф.* Взятие Казани Иваном Грозным. URL: https://publicadomain.ru/russkie-narodnye-istoricheskie-pesni/ob-ivane-vasilieviche-groznom/vzyatie-goroda-kazani-ivanom-groznym1 (дата обращения: 20.02.2026).
15. *Миллер В. Ф.* Исторические песни русского народа XVI-XVII вв. URL: https://publicadomain.ru/russkie-narodnye-istoricheskie-pesni/ob-ivane-vasilieviche-groznom/vzyatie-kazani-ivanom-groznym1(дата обращения: 20.02.2026).
16. Исторические песни. – Л., 1956. – С. 93, 94, 355; Взятие Казани Иваном Грозным. https://publicadomain.ru/russkie-narodnye-istoricheskie-pesni/ob-ivane-vasilieviche-groznom/vzyatie-kazani-ivanom-groznym (дата обращения: 20.02.2026)
17. Взятие Ермаком Казани // Русская историческая песня. URL: https://rus.ruolden.ru/654/vzyatie-ermakom-kazani/ (дата обращения: 12.12.2025).
18. Не ясны соколики слеталися… // Русские народные исторические песни. URL: https://publicadomain.ru/ russkie-narodnye-istoricheskie-pesni/ob-ivane-vasilieviche-groznom/ne-yasnye-sokoliki-soletalisya (дата обращения: 20.02.2026).
19. Взятие Казанского царства // Русская историческая песня. URL: https:// rus.ruolden.ru/5651/vzyatie-kasanskogo-tsarstva/ (дата обращения: 12.12.2025).

20. Казань-город. URL: https://rus.ruolden.ru/5649/kasan-gorod/ (дата обращения: 12.12.2025).
21. В данном случае – скипетр.
22. Взятие казанского царства // Русская историческая песня. – С. 58. URL: https:// rus.ruolden.ru/5651/vzyatie-kasanskogo-tsarstva/ (дата обращения: 12.12.2025); Взятие казанского царства // Историческая песня. – Л.: Советский писатель, 1956. – С.95. Конечно же, такая народная память противоречила утвердившемуся в отечественной истории мнению о преемственности титула «царь» от Византии, чем и объясняется отрицательная реплика публикатора А. А. Коринфского.
23. Русская историческая песня... – С. 117.
24. Русские народные сказки. – С. 242; Русская историческая песня... – С. 128.
25. Термин «чукаш» имеет перевод с марийского (напарник, друг). Луговые мари, действительно, были верными союзниками казанцев во всех войнах.
26. Русская историческая песня... – С. 111-114.
27. Там же. – С. 111-114.
28. Оплошность казаков под Азовом // Русская историческая песня. – Л., 1987. – С. 139-140. Такое обозначение кочевых тюрков было характерно для второй половины XIX в. и, по всей видимости, является интерпретацией редактора. На самом деле в Зауралье в XX в. в разговорной речи, порой, казахов также называли казаками.
29. Взятие Азова // Русская историческая песня. – Л.: Советский писатель, 1990. – С. 146.
30. Хотен Блудович. URL: https://www.livelib.ru/book/218635/ read-byliny-istoricheskie-pesni-ballady-bez-avtora/~47 (дата обращения: 20.02.2026); Русская историческая песня... – С. 358.
31. Сухмантий Одихмантьевич. URL: https://godsbay.ru/slavs/ suhmantiy _odihmant yevich. html (дата обращения: 15.06.2025).
32. В журнале «Тюркология» эта песня упоминалась со ссылкой на «Костромскую летопись» (*Бегматов А.* Из истории возникновения этнонима «узбеки» // Türkologiya (Баку). – 2021. – № 2. – С. 65-66).
33. Щелкан. URL: http://rus.ruolden.ru/624/shhelkan/ (дата обращения: 15.06.2025); Щелкан Дуденевич // Исторические песни. – Л., 1956. – С. 85.
34. Щелкан Дуденевич // Исторические песни. – Л., 1956. – С. 86.
35. Там же. – С. 88.
36. Там же. – С. 88-89.
37. Русские народные сказки / Сост. И. П. Сахаров. –СПб., 1841. – Ч.1. – С. 136.
38. Там же. – С. 144.
39. Там же. – С. 145.
40. Исторические песни / Сост. С. Н. Азбелев. – М.: Русская книга, 2001. – С. 63-66. В ранних списках героиня «Авдотья казаночка», что обычно скрывается.
41. Марута Богуслаевна // *Крюкова М. С.* Былины. Летописи государственного литературного музея / Под ред. Ю. Соколова; запись Э. Бородиной. – М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1941. – Т. 2. – С. 588-594.
42. Кем на самом деле был легендарный разбойник Кудеяр. URL: https://ria.ru/20200823/ kudeyar-1576148599.html (дата обращения: 2.02.2023).
43. *Костомаров Н. И.* Кудиар // Воронежские губернские ведомости. – 1860-1865.
44. *Марков Р. П.* О разбойнике Кудиаре (Древняя рукопись) // Русский архив (Москва). – 1897. – № 12. – С. 602.
45. Повесть о Петре царевиче ордынском // Русские повести XV-XVI: тексты и переводы. – М.; Л.: Гослитиздат, 1958. – С. 430-432.
46. Повесть о Петре… – М., 1958. – С. 430-432.
47. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1998. – Т. 4. – С. 370.

48. *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. – М., 1880. – С. 298.
49. Там же. – С. 299-300.
50. Там же. – С. 301.

Список литературы

Аверкиев С. С. Влияние татар на жизнь русского народа / Сост. И. В. Зайцев. – Казань: Яз, 2015. – 292 с.

Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура / Сост. и отв. ред. О. А. Платонов, предисл. В. О. Гусаковой. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 1008 с.

Имре Пачаи. Восточные мотивы русских волшебных сказок // Этнодиалоги. – 2021. – № 1. – С. 223-236.

Повесть о Петре царевиче ордынском // Русские повести XV-XVI: тексты и переводы. – М.; Л.: Гослитиздат, 1958. – С. 430-432.

Супрасльская летопись // Летописи белорусско-литовские. ПСРЛ. – Т. 35. – М., 1980. – С. 36-84.

References

Averkiev S. S. *Vliyaniye tatar na zhizn' russkogo naroda* [The Influence of the Tatars on the Life of the Russian People. Comp. by I. V. Zaitsev]. Kazan: Yaz publ., 2015, 292 p.

Buslaev F. I. *Russkiy byt I dukhovnaya kul'tura* [Russian Everyday Life and Spiritual Culture. Compiled and ed. by O. A. Platonov, foreword by V. O. Gusakova]. Moscow: Institute of Russian Civilization publ., 2015, 1008 p.

Imre Pacsai. *Vostochnyye motivy russkikh volshebnykh skazok* [Eastern Motifs of Russian Fairy Tales]. IN: *Etnicheskiyedialogi* [Ethnodialogues], 2021, no. 1, pp. 223-236.

Povest' o Petre, tsareviche ordynskom [The Tale of Peter, Tsarevich of the Horde]. IN: *Russkie povesti XV-XVI: teksty i perevody* [Russian Stories of the 15th-16th Centuries: Texts and Translations]. Moscow; Leningrad: Goslitizdat publ., 1958, pp. 430-432.

Suprasl'skaya letopis'. Letopisi belorussko-litovskiye [Suprasl Chronicle. Belarusian-Lithuanian Chronicles]. IN: *Polnoe sobranie russkih letopisej* [The Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 35]. Moscow, 1980, pp. 36-84.

Сведения об авторе

Набиев Рустам Фанисович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России, e-mail: nabiev_bulg@mail.ru

About the author

Rustam F. Nabiev, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: nabiev_bulg@mail.ru

В редакцию статья поступила 29.12.2025, опубликована:

Набиев Р. Ф. Татары в русском устном народном творчестве // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 4. – С. 70-79.

Submitted on 29.12.2025, published:

Nabiev R. F. *Tatary v russkom ustnom narodnom tvorchestve* [Tatars in Russian oral folklore]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 4, pp. 70-79.